

АННА СЛЕПЦОВА

Дом, в котором
начинается
ЛЮБОВЬ

— ЛЮБОВНЫЙ РОМАН —

Анна Слепцова

Дом, в котором начинается любовь

«Автор»

2026

Слепцова А.

Дом, в котором начинается любовь / А. Слепцова — «Автор»,
2026

После болезненного развода Елена Соколова решает начать жизнь заново. Она покупает старый гостевой дом на берегу Белого моря и мечтает восстановить его своими силами. Последнее, чего она ждёт, — встречи с Михаилом Ветровым, мужчиной, которого любила пятнадцать лет назад и который однажды исчез из её жизни. Между ними остались обиды, невысказанные слова и письма, которые так и не дошли до адресата. Но старый дом хранит не только воспоминания о прошлом. За его стенами скрывается тайна, способная изменить судьбы нескольких семей. Сможет ли Елена снова довериться человеку, который однажды её потерял? И хватит ли у Михаила смелости на этот раз не убегать от правды? Иногда, чтобы обрести любовь, нужно не вернуться в прошлое, а решиться открыть дверь в будущее.

© Слепцова А., 2026

© Автор, 2026

Анна Слепцова

Дом, в котором начинается любовь

ДОМ, В КОТОРОМ НАЧИНАЕТСЯ ЛЮБОВЬ

Анна Слепцова

Глава 1. Дом у холодного моря

В тот день, когда Елена Соколова впервые за пятнадцать лет вернулась в Северогорск, море было серым, небо — низким, а водитель такси трижды спросил, уверена ли она, что ей действительно нужно ехать именно туда.

— Простите, — произнёс он, в очередной раз взглянув на неё в зеркало заднего вида. — Просто там дом давно пустует. Дорога плохая. И место, скажем так, на любителя.

Елена отвела взгляд от окна.

За стеклом проплывали покосившиеся заборы, небольшие деревянные дома, заросшие огороды и редкие магазинчики с выцветшими вывесками. На остановке двое мужчин в тёмных куртках курили, пряча лица от ветра. Над дорогой раскачивались провода. Вдалеке, между крышами, на мгновение мелькнула полоска воды.

Белое море.

Елена почувствовала, как что-то сжалось у неё под рёбрами.

— Я знаю, куда еду, — ответила она.

Сказала спокойно, почти равнодушно. Так, как отвечала в последние годы на любые вопросы, которые не собиралась обсуждать.

Водитель больше не спрашивал.

Машина свернула с главной улицы на узкую дорогу, покрытую трещинами и мелкими лужами. Колёса зашуршали по гравию. Ветер качал голые ветви берёз, и они стучали друг о друга, будто нетерпеливо торопили осень.

Елена посмотрела на экран телефона.

Три пропущенных от матери. Одно сообщение от бывшего мужа.

«Ты уверена, что это разумно?»

Она прочитала его ещё раз и усмехнулась.

Разумно.

В её жизни почти всё когда-то было разумным. Учёба в университете. Работа, на которую она ходила даже с температурой. Свадьба, которую все называли удачной. Квартира в хорошем районе. Отпуска, заранее распланированные до последнего дня. Ужин в семь, покупки по списку, воскресные звонки родителям.

Всё правильно. Всё удобно. Всё как у людей.

Только однажды, уже после тридцати пяти, Елена обнаружила, что давно не может ответить на простой вопрос: чего она хочет сама?

Не чего от неё ждут. Не что будет практичнее. Не как поступила бы женщина, которая не желает никого разочаровывать.

А чего хочет именно она.

Ответ оказался неожиданным.

Тишины.

Свободы.

И места, где никто не станет объяснять ей, как следует жить.

Возможно, именно поэтому, когда после смерти двоюродной бабушки ей предложили купить старый гостевой дом на берегу Белого моря, Елена не стала долго раздумывать.

Она приехала посмотреть его в конце августа. Провела здесь два дня, осмотрела комнаты, поговорила с местным риелтором и обнаружила, что в доме нет нормального отопления, половина окон требует замены, а крыша, по словам специалиста, «пока держится на честном слове».

После этого она подписала договор.

Бывший муж назвал решение эмоциональным.

Мать — безрассудным.

Подруга Ирина, выслушав всё по телефону, помолчала и спросила:

— Лен, а ты точно не пытаешься сбежать?

Елена тогда долго смотрела в окно своей московской квартиры, где напротив горели десятки одинаковых окон.

— Возможно, — ответила она. — Но если я и сбегаю, то хотя бы туда, куда хочу.

Теперь такси остановилось у старых деревянных ворот.

— Приехали, — сообщил водитель.

Елена расплатилась, взяла сумку и вышла.

Ветер ударил в лицо сразу, без предупреждения. Он пах мокрой землёй, хвоей и солью. Где-то неподалёку кричали чайки. Небо нависало так низко, что казалось: протяни руку — и коснёшься тяжёлых облаков.

Она застегнула пальто и повернулась к дому.

На старой металлической табличке, потемневшей от времени, ещё можно было разобрать название:

«У моря».

Елена несколько секунд смотрела на эти два слова.

Просто. Без затей. Без обещаний.

Дом стоял чуть в стороне от дороги, за невысоким забором. Два этажа, широкое крыльцо, покатая крыша, семь окон на фасаде. Когда-то стены были выкрашены в светло-голубой цвет, но теперь краска облупилась, открывая потемневшее дерево. На подоконниках лежали сухие листья. Водосточная труба отошла от стены, а одна ступенька крыльца заметно просела.

За домом виднелись сосны. Между ними, далеко внизу, лежало море.

Елена подняла воротник.

— Ну здравствуй, — тихо сказала она.

Дом, разумеется, ничего не ответил.

Она достала из сумки связку ключей. Самый большой, с потёртой латунной головкой, принадлежал входной двери. Елена долго не могла попасть им в замок: пальцы замёрзли, металл не слушался.

Наконец замок щёлкнул.

Дверь открылась с протяжным скрипом.

Внутри пахло пылью, старым деревом и чем-то неуловимо сладким — словно здесь когда-то сушили яблоки или держали коробку с засахаренными конфетами.

Елена переступила порог.

В прихожей стояла узкая деревянная вешалка. На стене висело зеркало в потемневшей раме. Под ним находилась небольшая тумбочка с ящиком, который, судя по перекошенной ручке, давно никто не открывал.

Она включила свет.

Лампочка под потолком мигнула, вспыхнула и погасла.

— Прекрасно, — сказала Елена. — Начало многообещающее.

Она достала телефон и включила фонарик.

В луче света появились лестница на второй этаж, закрытая дверь в гостиную и длинный коридор, ведущий к кухне. Всё выглядело именно так, как она помнила по летнему осмотру, и

одновременно иначе. Тогда рядом был риелтор, который уверенно перечислял преимущества здания, а за окнами стоял солнечный день.

Сейчас дом казался огромным и совершенно чужим.

Елена сняла перчатки, положила сумку на пол и прошла в гостиную.

Под окнами стоял длинный диван с выцветшей обивкой. У стены — книжный шкаф, в котором осталось несколько старых книг. На каминной полке лежали ракушки и небольшие камешки, гладкие, будто их годами перебирали в руках.

Она подошла к окну.

За стеклом начинался склон, поросший травой и кустарником. Ещё дальше, между соснами, серела вода. Волны накатывали на берег и отступали, оставляя на камнях белую пену.

Море не было красивым в привычном смысле. Не открытка с бирюзовой водой и золотым песком. Оно казалось суровым, холодным, равнодушным к человеческим надеждам.

И всё же от него невозможно было отвести взгляд.

Елена вдруг поняла, что впервые за несколько месяцев дышит полной грудью.

Ни совещаний. Ни звонков от бывшего мужа. Ни необходимости улыбаться, когда хочется попросить всех оставить её в покое.

Только ветер за окном и старый дом, которому требовалась помощь.

Она могла с этим справиться.

С крышей, трубами, электричеством, окнами и ремонтом.

С тем, что можно измерить, посчитать и исправить.

С людьми было сложнее.

Особенно с теми, которых когда-то любила.

Елена резко отвернулась от окна, словно поймала себя на непозволительной мысли.

Нет.

Она приехала не ради прошлого.

Она приехала ради будущего.

К вечеру дом стал ещё холоднее.

Елена нашла в кладовой старый электрический обогреватель, но тот включился лишь после нескольких попыток и начал подозрительно потрескивать. Она выключила его, решив, что не хочет закончить первый день новой жизни вызовом пожарных.

Вместо этого она надела тёплый свитер, поставила чайник на газовую плиту и устроилась за кухонным столом с блокнотом.

На первой странице написала:

«Что нужно сделать до открытия».

Ниже появились пункты:

1. Проверить крышу.

2. Заменить проводку.

3. Отопление.

4. Окна.

5. Водопровод.

6. Ремонт второго этажа.

7. Мебель.

8. Реклама.

Она посмотрела на список.

— Ничего особенного, — произнесла вслух.

Потом добавила:

9. Не сойти с ума.

Отступила на шаг и удовлетворённо кивнула. Теперь план выглядел честным.

Телефон завибрировал.

Мать.

Елена вздохнула и ответила.

— Ты добралась? — спросила Тамара Сергеевна без приветствия.

— Да.

— И как там?

Елена посмотрела на потемневшее окно, в котором отражалась кухонная лампа.

— Дом стоит. Море тоже. Пока никто не умер.

— Лена, я серьёзно.

— Я тоже.

На другом конце провода раздался тяжёлый вздох.

— Я не понимаю, зачем тебе всё это. У тебя была нормальная жизнь. Работа, квартира.

Можно было просто взять деньги, продать дом и забыть.

— У меня нет нормальной жизни, мама. У меня была удобная.

— Это одно и то же.

— Нет.

Она произнесла это негромко, но твёрдо.

Тамара Сергеевна замолчала. Елена почти видела, как мать сидит на своей кухне, поджав губы, и ищет слова, которые могли бы вернуть разговор в привычное русло.

— Ты опять всё решаешь одна, — наконец сказала она.

— Мне тридцать девять лет.

— Возраст тут ни при чём.

— А при чём?

— Ты не умеешь просить о помощи.

Елена прикрыла глаза.

Вот оно.

Не дом. Не деньги. Не холодное море.

Разговор, которого она старалась избежать последние годы.

— Я научусь, — сказала она.

— Когда?

— Не знаю. Но, наверное, не сегодня.

Мать снова вздохнула.

— Я просто не хочу, чтобы ты опять осталась одна.

Елена посмотрела на пустой стул напротив.

Когда-то ей казалось, что одиночество — это отсутствие человека рядом. Потом она прожила несколько лет в браке, где они с мужем делили постель, счета, выходные и даже круг знакомых, но постепенно перестали делиться собой.

Тогда она поняла, что можно быть одинокой вдвоём.

— Мам, я уже была не одна, — тихо сказала она. — И это не всегда спасает.

В трубке стало тихо.

— Ты хотя бы поела? — спросила мать спустя минуту.

Елена улыбнулась.

— Сейчас собираюсь.

— Хорошо. Позвони завтра.

— Позвоню.

Они попрощались.

Елена положила телефон экраном вниз и некоторое время сидела неподвижно.

Ей не хотелось плакать. Она вообще в последнее время редко плакала. Слёзы требовали признать, что что-то действительно болит, а Елена привыкла справляться иначе: работала, решала проблемы, составляла планы, закрывала двери.

Но сегодня она устала.

Устала быть разумной.

Устала объяснять, почему не хочет возвращаться к прежней жизни.

Устала доказывать, что самостоятельность — не диагноз, а право.

Она налила себе чай, достала из сумки бутерброд и съела его, стоя у окна.

За стеклом быстро темнело.

На море поднимался туман.

И вдруг Елене показалось, что она слышит чей-то голос.

Она замерла.

Нет. Просто ветер.

Старые дома всегда полны звуков. Дерево потрескивает, трубы гудят, ставни стучат, когда меняется погода. Ничего мистического.

Она вернулась к столу и раскрыла папку с документами.

Сверху лежал договор купли-продажи. Под ним — технический отчёт, выписка о собственности и смета, составленная местным мастером. Последняя страница сметы была исписана от руки:

«Крышу лучше не трогать до осмотра специалистом. Нужен архитектор».

Елена нахмурилась.

Риелтор упоминал, что в городе есть специалист, который занимается восстановлением старых зданий. Кажется, его звали Михаил. Фамилию она не запомнила.

Она достала телефон и открыла сообщение от риелтора, отправленное ещё в августе.

«По крыше рекомендую обратиться к Михаилу Ветрову. Хороший специалист, знает старые северные дома. Если решите заниматься реконструкцией, он лучший вариант в округе».

Елена перечитала сообщение.

Ветров.

Фамилия показалась знакомой, но она не сразу поняла почему.

Потом поняла.

И замерла.

Михаил Ветров.

Она не слышала этого имени пятнадцать лет, но память произнесла его мгновенно, без ошибки, будто всё это время ждала подходящего момента.

Михаил.

Человек, который однажды сказал, что любит её.

Человек, который уехал, не дождавшись ответа, которого она не успела дать.

Человек, которого она ненавидела ровно столько, сколько требовалось, чтобы перестать надеяться.

Елена медленно опустила телефон на стол.

За окном ветер усилился. Где-то наверху хлопнула незакреплённая дверь. В кухне погасла лампочка, и дом погрузился в полумрак.

Она сидела неподвижно, глядя на тёмный экран.

Пятнадцать лет.

Пятнадцать лет она убеждала себя, что давно всё пережила. Что воспоминания больше не имеют власти. Что если однажды встретит Михаила, то спокойно поздоровается, спросит о делах и пойдёт дальше.

Теперь оказалось, что даже его фамилия способна выбить воздух из лёгких.

Елена поднялась, нашла фонарик и проверила щиток в коридоре. Свет удалось вернуть через несколько минут. Она закрыла окна, заперла входную дверь и поднялась на второй этаж, где выбрала себе спальню с видом на море.

Комната была почти пустой. Узкая кровать, старый шкаф, комод и плотные шторы цвета выцветшей зелени.

Елена поставила сумку у стены, сняла пальто и подошла к окну.

Море растворялось в темноте. Только белые гребни волн иногда проступали на поверхности, словно кто-то медленно переворачивал страницы огромной книги.

Она подумала о том, что утром нужно найти мастера. Позвонить электрику. Купить продукты. Разобраться с отоплением.

И, возможно, найти другого архитектора.

В конце концов, в округе наверняка есть ещё специалисты.

Она не обязана работать именно с Михаилом Ветровым.

Не обязана видеть его.

Не обязана ничего ему объяснять.

Елена задёрнула шторы и выключила свет.

Легла, укрылась одеялом и долго слушала, как ветер ходит вокруг дома.

Сон не приходил.

В памяти всплывали обрывки: летний вечер, тёплая ладонь на её запястье, смех над какой-то глупой шуткой, обещание позвонить завтра.

И вокзал.

Последний взгляд.

Его голос, который она столько лет пыталась забыть.

«Лена, пожалуйста. Просто выслушай меня».

Она тогда не выслушала.

Он уехал.

А потом было поздно.

Елена резко открыла глаза.

Нет. Она не станет снова прокручивать эту историю. Не сейчас. Не здесь.

Она приехала строить новую жизнь, а не вытаскивать из памяти старые обиды.

Завтра она найдёт другого архитектора.

Завтра начнёт ремонт.

Завтра будет думать о будущем.

Эти мысли наконец успокоили её настолько, что она почти провалилась в сон.

И именно в этот момент за окном послышался шум двигателя.

Елена приподнялась на локте.

Машина остановилась у ворот. Свет фар скользнул по стенам дома, задержался на крыльце и погас.

Кто-то вышел из автомобиля.

Послышались шаги по гравию.

Елена замерла, прислушиваясь.

В дверь постучали.

Три коротких, уверенных удара.

Она накинула кардиган, спустилась по лестнице и остановилась в прихожей.

— Кто там? — спросила она.

— Добрый вечер. Михаил Ветров. Мне сказали, вы приехали сегодня.

Елена закрыла глаза.

Конечно.

Разумеется, именно сегодня.

Она могла не открывать дверь. Могла сказать, что уже поздно. Могла попросить его прийти завтра или вовсе отказаться от встречи.

Вместо этого она повернула ключ.

Дверь открылась.

На крыльце стоял мужчина в тёмной куртке, с мокрыми от дождя волосами. В одной руке он держал папку с документами, другой придерживал воротник. Он выглядел старше, чем Елена помнила, — в уголках глаз появились тонкие морщины, у висков проступила седина. Но взгляд остался прежним.

Спокойным. Внимательным. Слишком знакомым.

Несколько секунд они смотрели друг на друга.

Михаил первым нарушил молчание:

— Здравствуй, Лена.

Она крепче сжала ручку двери.

Пятнадцать лет назад этот голос был для неё самым родным на свете.

Теперь он прозвучал как стук в дверь, которую она давно заколотила изнутри.

— Елена, — поправила она. — Для тебя — Елена Соколова.

Михаил едва заметно кивнул.

— Хорошо.

Он не стал улыбаться, оправдываться или делать вид, будто они встретились случайно.

И это почему-то разозлило её сильнее всего.

— Что тебе нужно?

— Я пришёл посмотреть крышу. И поговорить о реконструкции.

— Крыша может подождать до утра.

— Может.

Он посмотрел на неё, и на мгновение в его глазах появилось что-то такое, от чего Елена захотела немедленно закрыть дверь.

— А вот некоторые вещи, — тихо добавил Михаил, — уже слишком долго ждали.

Елена почувствовала, как внутри поднимается старая, хорошо знакомая волна.

Гнев.

Боль.

И что-то ещё, чему она не собиралась давать имя.

— Тогда тебе придётся подождать ещё немного, — сказала она.

И закрыла дверь.

На этот раз Михаил не постучал снова.

Елена осталась стоять в темноте прихожей, прижав ладонь к холодному дереву.

Она думала, что прошлое осталось далеко позади.

Но прошлое только что приехало к её дому под дождём, назвалось по имени и попросило впустить его внутрь.

И самое страшное заключалось вовсе не в том, что она снова увидела Михаила Ветрова.

А в том, что, закрывая дверь перед его лицом, Елена всё ещё хотела, чтобы он остался.

Глава 2. Человек из прошлого

Елена не спала почти до рассвета.

Сначала она стояла в прихожей, прислушиваясь к тишине за дверью. Потом всё-таки подошла к окну гостиной и осторожно отодвинула край шторы.

Машина Михаила всё ещё стояла у ворот.

Он не уехал.

Эта мысль раздражала её сильнее, чем следовало. Кто он такой, чтобы решать, сколько ему находиться возле её дома? И почему она вообще смотрит на улицу, словно ждёт, что он снова постучит?

Елена резко отпустила штору.

— Замечательно, — пробормотала она. — Первый день. Уже проблемы с крышей, электричеством и бывшими возлюбленными. Осталось только, чтобы море вышло из берегов.

Море, судя по звукам за окном, пока оставалось на своём месте.

Она вернулась наверх, легла и накрыла голову подушкой.

Не помогло.

Стоило закрыть глаза, как она снова видела Михаила на крыльце. Седина у висков. Тёмная куртка, промокшая под дождём. Его руки — те самые руки, которые когда-то держали её за плечи, когда она смеялась так сильно, что не могла произнести ни слова.

И голос.

«Здравствуй, Лена».

Он произнёс её имя так, словно имел на это право.

Будто пятнадцать лет — всего лишь длинная командировка, после которой можно вернуться домой, постучать в дверь и ждать, что тебе откроют.

Елена перевернулась на другой бок.

Нет.

Она не обязана помнить его руки. Не обязана замечать седину. И уж точно не обязана выяснять, почему он появился именно сейчас.

Михаил Ветров был частью её прошлого.

А прошлое, как выяснилось, прекрасно обходилось без её участия целых пятнадцать лет.

Утро началось с дождя.

Он стучал по подоконнику мелкими настойчивыми каплями, затягивал окна серой дымкой и делал всё вокруг похожим на старую фотографию, которую слишком долго держали на солнце.

Елена проснулась в половине восьмого, замёрзшая и сердитая.

Первым делом она проверила телефон. Ни звонков, ни сообщений от Михаила. Разумеется. Он ведь не собирался просить прощения. По крайней мере, не вчера.

Она умылась холодной водой, собрала волосы в небрежный пучок и спустилась на кухню.

Газовая плита послушно зажглась. Чайник зашумел. Елена достала хлеб, сыр и остатки вчерашних продуктов, которые успела купить по дороге из аэропорта.

Пока готовился завтрак, она открыла ноутбук и составила список местных строительных бригад.

Десять минут спустя стало ясно, что половина указанных номеров больше не существует, ещё два мастера работали только в соседних посёлках, а единственный человек, согласившийся приехать на этой неделе, занимался преимущественно банями и сараями.

— Прекрасно, — сказала Елена, глядя на экран. — Просто прекрасно.

Она открыла сообщение риелтора и снова увидела фамилию Ветрова.

На этот раз без всяких эмоций.

Почти.

Михаил действительно был архитектором. Когда-то он мечтал восстанавливать старые дома, возвращать жизнь зданиям, которые другие считали бесполезными. Он мог часами рассказывать о деревянных конструкциях, старых фундаментах и том, как по форме наличников иногда удаётся определить возраст постройки.

Елена тогда слушала его, положив голову ему на плечо.

Ей нравилось, как он говорил о своём деле. Без высокомерия, без желания произвести впечатление. Он просто любил то, чем занимался.

Возможно, именно поэтому она влюбилась в него.

Не в красивые слова. Не в обещания.

В то, каким он становился, когда рассказывал о будущем.

Елена закрыла ноутбук.

Воспоминания ничего не исправляли. Они только создавали ложное ощущение, будто когда-то всё было правильно.

А потом Михаил уехал.

И всё, что она считала настоящим, осталось по ту сторону закрытой двери.

Она допила чай, надела джинсы, тёплый свитер и непромокаемую куртку. В прихожей взяла связку ключей, проверила телефон и вышла на крыльцо.

Машины у ворот не было.

Елена остановилась.

Она не знала, что чувствует: облегчение или разочарование.

Впрочем, это было совершенно неважно.

Главное, что Михаил уехал.

Теперь можно заниматься делами.

Она заперла дверь и направилась к калитке.

— Доброе утро.

Елена вздрогнула и резко повернулась.

Михаил стоял у соседнего забора, держа в руках два бумажных стаканчика.

Он выглядел так, словно прекрасно выспался, позавтракал и успел решить половину проблем окружающего мира. Тёмные джинсы, куртка, высокие ботинки. На плече висела сумка с инструментами.

Елена посмотрела на стаканчики.

Потом на него.

— Ты издеваешься?

— Нет.

— Тогда объясни, почему ты стоишь возле моего забора.

— Потому что вчера не успел посмотреть дом.

— Я не приглашала тебя смотреть дом.

— Знаю.

Он протянул ей один стаканчик.

— Кофе. Без сахара. Ты раньше пила именно такой.

Елена не взяла его.

Несколько секунд они смотрели друг на друга, пока дождь тихо шуршал по листьям кустарника.

— Ты ошибся, — сказала она наконец.

Михаил опустил руку.

— В чём?

— Во времени. Во месте. В человеке. Выбирай сам.

Он чуть заметно улыбнулся, но улыбка быстро исчезла.

— Кофе я, кажется, всё-таки угадал.

— А я, кажется, не просила тебя запоминать.

— Лена...

— Елена.

— Хорошо. Елена.

Он произнёс её имя без раздражения, и от этого ей стало ещё неприятнее. Она предпочла бы, чтобы он начал спорить. Повысил голос. Сказал что-нибудь самодовольное. Тогда у неё появилась бы причина окончательно выставить его за ворота.

Но Михаил стоял спокойно, словно не собирался ни оправдываться, ни требовать от неё особого отношения.

— Я приехал по делу, — сказал он. — Мне позвонил Сергей, риелтор. Он рассказал, что ты купила дом и собираешься его восстанавливать. Я предложил приехать и посмотреть, что там можно сделать.

— Ты мог позвонить мне.

— Мог.

— Но не позвонил.

— Не знал, захочешь ли ты со мной разговаривать.

Елена невольно усмехнулась.

— И решил явиться без приглашения?

— Я решил, что если ты захочешь меня выгнать, то хотя бы сделаешь это лично.

— Как великодушно.

— Стараюсь.

Она посмотрела на него внимательнее.

В его глазах мелькнуло что-то знакомое — та самая сухая ирония, которая когда-то сводила её с ума. Михаил никогда не пытался быть остроумным специально. Он просто умел находить смешное в самых неподходящих ситуациях.

Раньше Елена смеялась.

Теперь ей хотелось бросить в него стаканчиком с кофе.

— Послушай, — сказала она. — Я не знаю, что ты себе придумал. Но мне не нужен человек из прошлого, который внезапно решил, что может появляться в моей жизни, когда ему удобно.

Михаил кивнул.

— Понимаю.

— Нет, не понимаешь.

— Возможно.

— Я не хочу обсуждать то, что было.

— Хорошо.

— И не хочу, чтобы ты приходил ко мне домой.

— Хорошо.

— И кофе я не пью.

Михаил посмотрел на стаканчик в своей руке.

— Это, конечно, самое неприятное.

Елена не удержалась и коротко рассмеялась.

Всего на секунду.

Но этого хватило, чтобы они оба заметили.

Она тут же перестала улыбаться.

Михаил тоже.

Между ними снова возникло то самое расстояние, которое пятнадцать лет назад казалось невозможным.

— Если ты закончил, — сказала Елена, — мне нужно идти.

— Конечно.

Он отступил, освобождая проход.

Она прошла мимо, стараясь не задевать его плечом. От него пахло дождём, кофе и едва уловимым древесным ароматом, который она когда-то знала лучше собственного.

Елена ускорила шаг.

— Лена!

Она остановилась, но не обернулась.

— Что ещё?

— Крыша действительно требует осмотра. Если хочешь сохранить дом, лучше не затягивать.

— Я найду другого специалиста.

— Найдёшь.

В его голосе не было ни насмешки, ни обиды.

Это окончательно вывело её из равновесия.

— Ты всегда был таким, — бросила она через плечо.

— Каким?

— Уверенным, что всё можно исправить, если правильно подобрать инструменты.

Михаил помолчал.

— Не всё, — сказал он. — Я это уже понял.

Елена не ответила.

Она дошла до калитки, открыла её и вышла на дорогу.

Только за поворотом позволила себе остановиться.

Сердце билось слишком быстро.

Она злилась на Михаила. На себя. На этот город, в котором прошлое оказалось не воспоминанием, а вполне реальным человеком, способным стоять у её забора с кофе.

Но больше всего её раздражало то, что где-то глубоко внутри ей хотелось обернуться.

Убедиться, что он всё ещё там.

Она не обернулась.

К полудню дождь закончился.

Елена вернулась из хозяйственного магазина с двумя пакетами инструментов, рулоном плотной плёнки и новыми перчатками. По дороге она зашла в небольшую пекарню на центральной улице и купила хлеб, булочки и пирог с брусникой.

Пекарня оказалась единственным местом в городе, где ей понравилось с первой минуты.

Там пахло корицей и свежей выпечкой. У окна стояли два деревянных столика, на полках лежали буханки тёмного хлеба, а за прилавком работала женщина лет пятидесяти с короткими светлыми волосами.

— Вы к нам надолго? — спросила она, упаковывая пирог.

Елена удивилась.

— Почему вы спрашиваете?

— Новенькая. Я здесь почти всех знаю. А вас раньше не видела.

— Купила дом на берегу. Буду приводить его в порядок.

Женщина подняла брови.

— «У моря»?

— Да.

— Ну надо же. Значит, всё-таки нашёлся человек, который решился.

— А что с ним не так?

— Да всё с ним так. Дом хороший. Просто давно пустует. Раньше там останавливались туристы, рыбаки, семьи с детьми. Вера Павловна умела создать уют. Чай поставит, пирог испечёт — и человек уже чувствует себя дома.

— Вы знали прежнюю хозяйку?

— Конечно. Я здесь родилась. Меня Надеждой зовут.

— Елена.

Они пожали руки.

— Вы, главное, не торопитесь всё переделывать, — посоветовала Надежда. — У старых домов характер есть. Если сразу начать ломать, потом не поймёшь, что именно потеряла.

Елена улыбнулась.

— Мне сегодня уже говорили, что крыша требует особого подхода.

— Так это Михаил, наверное.

Улыбка медленно исчезла с лица Елены.

Надежда заметила перемену.

— А вы знакомы?

— Мы... давно знакомы.

— А-а-а, — протянула женщина с выражением человека, который внезапно получил гораздо больше информации, чем ожидал. — Понятно.

— Что вам понятно?

— Ничего. Я вообще женщина тактичная.

Елена посмотрела на неё.

Надежда посмотрела на Елену.

Обе не выдержали и рассмеялись.

— Ладно, — сказала пекарь. — Не буду лезть. Но Михаил хороший человек. Упрямый, конечно. Иной раз ему проще самому крышу поднять, чем кого-то попросить помочь. Но хороший.

— Я рада за него.

— Не сомневаюсь.

Надежда вручила ей пакет.

— Если что понадобится, заходите. И насчёт ремонта спрашивайте. У нас есть мастера, только их иногда нужно уговаривать. Особенно осенью.

Елена поблагодарила её и вышла на улицу.

Разговор оставил неприятное послевкусие.

Михаил был хорошим человеком.

Когда-то она тоже так думала.

Возможно, он и правда оставался хорошим человеком. Люди не обязательно становятся плохими только потому, что однажды причиняют боль.

Но это не означало, что Елена обязана снова доверять ему.

Она шла домой, крепко держа пакеты, и повторяла это про себя, словно простую формулу, которая должна была привести мысли в порядок.

Не обязана.

Не должна.

Не хочет.

А возле дома её ждал сюрприз.

На крыльце стояли два ведра, коробка с крепежом и длинная деревянная рейка. Рядом лежала сложенная лестница. На двери была прикреплена записка, прижатая небольшим камнем.

Елена положила пакеты на ступеньку и сняла бумагу.

«Я не заходил внутрь. Осмотрел крышу снаружи. Есть повреждение возле северного ската. Пока дождей нет, можно временно закрыть участок плёнкой. Материалы оставил здесь. Ничего не нужно оплачивать сейчас. Если решишь продолжить работу — позвони.

М. Ветров».

Ниже был номер телефона.

Елена долго смотрела на записку.

Потом подняла голову.

Дом молчал. Сосны за ним качались на ветру. Море внизу шумело ровно и спокойно. Он не заходил внутрь.

Не пытался проникнуть в дом, не оставил никаких личных вещей, не написал ничего о прошлом.

Просто посмотрел крышу и привёз материалы.

Это было разумно.

Полезно.

И совершенно невыносимо.

Потому что Михаил всегда был таким: мог не сказать самого важного, но обязательно замечал, что у тебя замёрзли руки. Мог уйти, хлопнув дверью, но перед этим починить расшатавшуюся ступеньку. Мог ранить одним молчанием, а потом сделать что-нибудь хорошее, будто поступок способен заменить разговор.

Елена скомкала записку.

Потом развернула.

Разгладила ладонью.

И аккуратно сложила вчетверо.

— Нет, — сказала она дому. — Даже не думай.

Она занесла материалы в прихожую, поставила продукты на кухне и принялась за работу.

Сначала закрыла плёнкой протекающее окно в кладовой. Затем вымыла пол на кухне, разобрала старый шкаф и составила список вещей, которые можно было оставить. К вечеру у неё болели спина и плечи, но в доме стало заметно чище.

Физическая усталость помогала.

Она не оставляла места воспоминаниям.

Почти.

Когда Елена снимала с полки коробку со старыми газетами, из неё выпала небольшая фотография.

Она подняла её.

Снимок был сделан много лет назад, вероятно, в конце лета. На нём молодая Елена сидела на деревянном пирсе, поджав ноги. Рядом стоял Михаил, держа в руках две кружки. Он смотрел не в камеру, а на неё.

Елена помнила этот день.

Они тогда провели у моря почти весь вечер. Михаил рассказывал о проекте, который хотел взять в работу, а она жаловалась на преподавателя, считавшего, что у неё недостаточно серьёзный подход к будущей профессии.

— Ты слишком много думаешь о том, что скажут другие, — сказал тогда Михаил.

— А ты слишком мало.

— Возможно. Зато у меня есть преимущество.

— Какое?

— Я могу поцеловать тебя, и ты забудешь, о чём собиралась спорить.

Он оказался прав.

Елена закрыла глаза.

На обратной стороне фотографии её почерком было написано:

«Белое море. Август. Самое счастливое лето».

Она села на пол.

Пятнадцать лет назад ей казалось, что счастье — это когда ты точно знаешь, кто будет рядом с тобой через десять лет.

Она не знала.

Никогда не знала.

Елена перевернула фотографию изображением вниз и положила на полку.

Выбрасывать её она не стала.
Это ничего не значило.
Просто бумага.
Просто старый снимок.
Просто часть жизни, которая когда-то была её.

Вечером Елена решила пройтись к морю.
Дом стоял на небольшом возвышении, и к берегу вела узкая тропинка между соснами.
После дождя земля размокла, хвоя прилипла к подошвам, а низкие ветви цеплялись за рукава.

Елена шла медленно, осторожно обходя лужи.
Когда деревья расступились, перед ней открылся берег.
Море оказалось совсем близко.

Серое, холодное, бесконечное. Ветер гнал по воде короткие волны, и они разбивались о камни с тяжёлым шорохом. На горизонте висела полоса тумана.

Елена остановилась.

В детстве она бывала на Севере всего несколько раз. Потом учёба, работа, переезды. Она всегда думала, что вернётся сюда когда-нибудь, когда появится время.

Время так и не появилось.

Пока однажды не умерла Вера Павловна и не оставила ей дом, который никто не хотел покупать.

Елена достала телефон, сделала несколько фотографий и убрала его обратно.

На берегу было пусто.

Она сняла перчатки, сунула руки в карманы и пошла вдоль воды.

Море не обещало, что станет легче.

Не утешало.

Не говорило, что всё ещё впереди.

Оно просто было.

И почему-то этого оказалось достаточно.

Елена дошла до большого плоского камня и села на него. Ветер трепал волосы, холод пробирался под воротник, но уходить не хотелось.

Она подумала о том, что могла бы открыть здесь небольшой гостевой дом. Не роскошный отель, не место для тех, кто привык требовать безупречного сервиса. Просто несколько уютных комнат, хороший завтрак, книги в гостиной и вид на море.

Место, где человек мог бы остановиться и наконец услышать самого себя.

Елена улыбнулась.

Впервые за долгое время её будущее не казалось чужим.

— Красиво, правда?

Она узнала голос прежде, чем успела повернуть голову.

Михаил стоял на тропинке в нескольких метрах от неё. На этот раз без кофе и без инструментов. В руках он держал связку ключей, а на плечах темнела куртка, намокшая от морского тумана.

Елена медленно выпрямилась.

— Ты следишь за мной?

— Нет. Я живу неподалёку.

— Насколько неподалёку?

— Десять минут пешком.

Она посмотрела на него с недоверием.

— И ты решил сообщить мне об этом только сейчас?

— Ты не спрашивала.

— Михаил, ты невыносим.

— Мне говорили.

— Не сомневаюсь.

Он остановился у камней, не приближаясь.

Несколько секунд они слушали море.

Это молчание было совсем не похоже на вчерашнее. В нём не было ни враждебности, ни попытки доказать свою правоту. Только холодный ветер, шум волн и ощущение, что оба оказались в месте, где слова звучат неуместно.

Михаил первым нарушил тишину.

— Ты собираешься оставить дом таким, какой он есть?

— Нет. Я собираюсь его восстановить.

— Полностью?

— Если хватит денег.

Он кивнул.

— Тогда тебе понадобится хороший план. И человек, который не станет предлагать снести половину здания только потому, что так проще.

— Ты предлагаешь свои услуги?

— Да.

Елена рассмеялась, но в смехе не было веселья.

— Ты действительно не понимаешь, как это выглядит?

— Понимаю.

— Нет, не понимаешь. Ты исчез из моей жизни. Не написал. Не позвонил. Не попытался объяснить, что произошло. А теперь возвращаешься и предлагаешь мне деловое сотрудничество, словно мы вчера вместе пили чай.

Михаил побледнел.

Впервые с момента их встречи она увидела, что её слова действительно задели его.

— Я не исчезал, — произнёс он.

Елена медленно поднялась с камня.

— Что?

Он отвёл взгляд к морю.

— Я не исчезал, Лена. Я пытался с тобой связаться.

— Не называй меня так.

— Хорошо.

Михаил сжал ключи в ладони.

— Я пытался тебе дозвониться. Писал. Приезжал сюда. Несколько раз.

Елена смотрела на него, не понимая, что именно он пытается сделать.

— Ты лжёшь.

— Нет.

— Я ждала тебя.

Голос предательски дрогнул.

Она ненавидела себя за это. За то, что даже сейчас, спустя пятнадцать лет, несколько слов Михаила могли вернуть её туда, где она была совсем молодой и ещё верила, что любовь обязательно должна быть взаимной.

— Я ждала тебя, Михаил, — повторила она. — А потом перестала.

Он побледнел ещё сильнее.

— Я знаю.

— Нет. Ты ничего не знаешь.

Она отвернулась и направилась к тропинке.

Михаил не пошёл за ней.

Это было правильно.

Это было именно то, чего она хотела.

Почему же тогда каждый шаг давался ей с таким трудом?

У самой тропинки Елена остановилась.

— Завтра в десять, — сказала она, не оборачиваясь.

— Что?

— Осмотр дома. В десять утра. Только работа, Михаил. Никаких разговоров о прошлом. За её спиной повисла тишина.

— Хорошо, — ответил он.

Елена пошла дальше.

Она не видела его лица и не знала, что он чувствует.

И не хотела знать.

Но, поднимаясь по тропинке к дому, впервые за много лет она подумала о том, что прошлое могло хранить не только её боль.

Возможно, Михаил тоже жил с какой-то своей правдой.

И если это так, ей предстояло решить, готова ли она её услышать.

Пока она знала только одно.

Завтра в десять утра Михаил Ветров войдёт в её дом.

И на этот раз Елена не сможет просто закрыть перед ним дверь.

Глава 3. Пятнадцать лет молчания

В девять сорок пять Елена поняла, что совершенно не готова к встрече.

Не в том смысле, что не успела одеться или приготовить кофе. С этим проблем не было. Она даже успела вымыть пол в гостиной, убрать инструменты, которые накануне оставил неизвестно откуда взявшийся Михаил, и составить список вопросов по ремонту.

Проблема заключалась в другом.

Она не знала, как смотреть на человека, которого когда-то любила больше собственной гордости, а потом годами училась не вспоминать.

В девять пятьдесят Елена сменила свитер.

В девять пятьдесят пять решила, что второй вариант выглядит слишком нарядно для осмотра крыши, и переделалась обратно.

В девять пятьдесят восемь поставила чайник.

В десять без одной минуты выключила его, потому что не собиралась устраивать Михаилу Ветрову гостеприимный приём.

В десять ровно в дверь постучали.

Елена глубоко вдохнула.

— Входи.

Михаил появился на пороге с рабочей сумкой, рулеткой и папкой. На нём были тёмные джинсы, грубые ботинки и серый свитер, который делал его старше и одновременно удивительно похожим на того мужчину, которого она помнила.

Он остановился у двери.

— Доброе утро.

— Мы договаривались на осмотр, а не на светскую беседу.

— Тогда начнём с крыши.

— Прекрасная идея.

Он снял куртку, повесил её на вешалку и посмотрел на прихожую.

— Ты уже успела многое сделать.

Елена проследила за его взглядом.

Она убрала старые газеты, протёрла зеркало, вымыла пол и переставила тумбочку к стене. Мелочи, но дом уже не выглядел таким заброшенным.

— Я не люблю сидеть без дела.

— Помню.

— Не надо всё время говорить, что ты что-то помнишь.

Михаил перевёл взгляд на неё.

— Хорошо.

Елена раздражённо поправила рукав.

Его спокойствие действовало на нервы. Она заранее приготовилась к неловкости, оправданиям, попыткам заговорить о прошлом. Но Михаил вёл себя так, словно действительно пришёл исключительно ради крыши.

Это лишало её возможности злиться с прежней уверенностью.

— Куда сначала? — спросил он.

— Ты специалист. Тебе виднее.

— Тогда покажи, где находится чердак.

Она повела его по коридору к узкой лестнице, ведущей на второй этаж. На ходу перечислила, что успела заметить: пятна возле северного окна, трещину на потолке в маленькой спальне, следы сырости в кладовой.

Михаил слушал внимательно, иногда задавал вопросы, делал пометки в блокноте.

Он не перебивал. Не пытался объяснять очевидное. Не произносил фраз вроде «ты неправильно посмотрела» или «не волнуйся, я всё решу».

Елена поймала себя на том, что ей это нравится.

И тут же мысленно выругалась.

На чердаке было холодно и пахло сухой древесиной. Михаил включил фонарь, осмотрел балки, проверил несколько соединений и долго изучал участок под северным скатом.

— Насколько всё плохо? — спросила Елена.

— Хочешь честно?

— Нет, давай соври. Мне сегодня особенно нужно немного оптимизма.

Он посмотрел на неё и едва заметно улыбнулся.

— Критических повреждений пока не вижу. Но есть протечка. Вода попадает под покрытие и уходит в утеплитель. Если оставить всё как есть до весны, ремонт станет дороже.

— То есть крышу придётся делать сейчас?

— Хотя бы временно защитить повреждённый участок. А полноценную реконструкцию лучше спланировать после детального осмотра.

— И сколько это будет стоить?

Михаил назвал предварительную сумму.

Елена молча посмотрела на него.

— Это только крыша?

— Да.

— А окна, проводка, отопление и всё остальное?

— Всё остальное тоже стоит денег.

— Спасибо. Без тебя я бы не догадалась.

Он убрал рулетку в сумку.

— Елена, я могу составить смету по этапам. Не обязательно делать всё сразу.

Она нахмурилась.

— Я знаю.

— Я не сомневаюсь.

— Тогда зачем объясняешь мне очевидные вещи?

Михаил помолчал.

— Наверное, привычка.

— Какая ещё привычка?

— Пытаться помочь, даже когда меня не просят.

Ответ прозвучал просто. Без намёка на упрёк.

Елена отвернулась к окну чердака.

— От этой привычки стоило бы избавиться.

— Возможно.

Он не стал продолжать разговор.

Они спустились вниз и прошли в гостиную. Михаил внимательно осмотрел стены, проверил состояние пола, заглянул за старый книжный шкаф.

— Здесь можно сохранить большую часть отделки, — сказал он. — Если правильно обработать древесину. Потолок тоже лучше не менять. Он старый, но хороший.

— А если я захочу сделать всё современным?

— Это твой дом.

— И ты не станешь спорить?

— Могу высказать профессиональное мнение. Решение всё равно за тобой.

Елена посмотрела на него с неожиданным вниманием.

— Ты всегда был таким покладистым?

— Нет. Раньше я был значительно хуже.

Она не удержалась от улыбки.

— Это правда.

Михаил посмотрел на неё. В его взгляде появилось тепло, от которого Елена тут же отвернулась.

Вот этого она и боялась.

Не ссор.

Не воспоминаний.

А мгновений, когда прошлое вдруг становилось настоящим, и между ними снова возникало что-то прежнее — лёгкое, понятное, почти домашнее.

Она не хотела этого.

Потому что знала, как быстро привычное тепло может смениться холодом.

— Покажу кухню, — сказала она деловым тоном.

— Хорошо.

На кухне Михаил задержался возле окна.

— Ты уже поменяла ручку?

Елена посмотрела на металлическую ручку, которую утром установила вместо сломанной.

— Да. Старая не закрывала окно.

— Сама?

— А что, удивительно?

— Нет. Просто ты всегда ненавидела возиться с инструментами.

Она медленно положила блокнот на стол.

— Ты действительно собираешься комментировать каждую мелочь, которую помнишь обо мне?

Михаил повернулся.

— Нет.

— Тогда давай сразу договоримся. Мы говорим о доме. О ремонте. О сроках и деньгах. Не о том, что я любила, чего боялась и какие окна не умела закрывать.

— Хорошо.

— И не называй меня Леной.

— Хорошо, Елена.

Он произнёс её имя так серьёзно, что она вдруг почувствовала себя глупо.

Ей хотелось, чтобы он возражал. Чтобы попытался вернуть себе право на близость. Чтобы хоть раз показал, что эти пятнадцать лет что-то значили не только для неё.

Но он соглашался со всем.

И от этого становилось ещё труднее.

Михаил достал из папки несколько листов.

— Я подготовил предварительный план. Сначала нужно остановить протечку, потом проверить фундамент и электрику. Отопление можно делать поэтапно. Если хочешь принимать гостей уже летом, придётся определить минимальный объём работ, без которых открываться нельзя.

Елена взяла бумаги.

План был подробным. С пометками, расчётами и несколькими вариантами. Михаил даже отдельно указал, какие работы можно выполнить самостоятельно, а на чём лучше не экономить.

Она просмотрела первые страницы.

— Ты сделал это вчера?

— Вчера вечером.

— После того как я закрыла перед тобой дверь?

— Да.

Елена подняла глаза.

— Почему?

Он немного помолчал.

— Потому что ты купила дом и хочешь его восстановить. А дом нуждается в работе.

— Ты мог просто уйти.

— Мог.

— Но не ушёл.

— Я ушёл. Потом вернулся домой и составил план.

— Ты прекрасно понимаешь, что я спрашиваю не об этом.

Михаил опустил взгляд на бумаги.

— Понимаю.

Между ними повисла тишина.

Елена чувствовала, как раздражение постепенно уступает место чему-то более тяжёлому. Она не хотела снова обсуждать прошлое, но и делать вид, что ничего не произошло, уже не получалось.

— Зачем ты тогда уехал? — спросила она.

Вопрос вырвался прежде, чем она успела остановить себя.

Михаил замер.

Елена тут же пожалела о сказанном, но отступить было поздно.

— Я же сказала, что не хочу говорить о прошлом, — добавила она, пытаясь вернуть разговор в привычные рамки.

— Сказала.

— Забудь.

— Не могу.

Она посмотрела на него.

Впервые за всё утро Михаил выглядел не спокойным и уверенным, а растерянным. Он провёл ладонью по лицу, словно собирался с силами.

— Я не уезжал от тебя, Елена.

Она горько усмехнулась.

— Конечно. Просто случайно оказался за тысячу километров от меня и случайно перестал выходить на связь.

— Я пытался.

— Не надо.

— Я действительно пытался.

— Михаил, хватит!

Её голос прозвучал громче, чем она рассчитывала.

Он замолчал.

Елена отвернулась и подошла к окну. За стеклом качались сосны, с ветвей падали последние капли после ночного дождя.

Она не хотела снова чувствовать себя той девочкой, которая часами сидела возле телефона и убеждала себя, что он обязательно позвонит.

Тогда ей было двадцать четыре.

Она работала помощником редактора в небольшом издательстве, снимала комнату с подругой и считала деньги до зарплаты. Михаил только начинал карьеру архитектора. У него были большие планы, несколько проектов и привычка говорить о будущем так, словно оно уже ждало их за поворотом.

Они собирались пожениться.

Не сразу, не завтра. Но собирались.

Он говорил, что сначала нужно закончить проект в Архангельске, заработать немного денег, найти квартиру. Елена соглашалась. Она не требовала дорогого кольца, пышной свадьбы или немедленных обещаний.

Ей было достаточно знать, что они идут в одну сторону.

А потом Михаил уехал.

Всё произошло быстро.

Сначала он позвонил и сказал, что ему предложили работу в Санкт-Петербурге. Хороший проект, перспективы, возможность получить опыт, о котором он давно мечтал.

Елена обрадовалась за него.

Они решили, что расстояние не станет проблемой.

Он обещал приезжать. Она обещала ждать.

Первые недели они разговаривали почти каждый вечер. Потом звонки стали реже. Михаил отвечал коротко, говорил, что занят, что у него много работы, что всё объяснит при встрече.

Елена пыталась не давить.

Потом однажды позвонила сама и услышала незнакомый женский голос.

«Михаил сейчас занят. Кто это?»

Елена ответила, что она его невеста.

На другом конце провода наступила пауза.

Потом женщина сказала:

«Наверное, вы ошиблись».

И отключилась.

Елена не стала перезванивать.

Не потому, что не хотела услышать объяснение.

Потому что боялась его услышать.

Через несколько дней она получила короткое сообщение от Михаила.

«Лена, нам нужно поговорить. Я не могу сейчас всё объяснить. Пожалуйста, не делай поспешных выводов».

Она ждала звонка.

Потом ещё одного сообщения.

Потом письма.

Но ничего не было.

В какой-то момент ожидание стало унижительным. Елена удалила его номер, убрала фотографии в коробку и сказала себе, что всё закончено.

Позже она узнала от общих знакомых, что Михаил остался в Петербурге. Что у него хорошая работа. Что он снимает квартиру. Что, возможно, у него появилась другая женщина.

Никто не знал подробностей.

И Елена больше не спрашивала.

Она решила, что ответ уже получила.

Человек, который любит, не исчезает.

По крайней мере, так она думала тогда.

— Я не хочу снова проходить через это, — произнесла она, глядя в окно.

Михаил стоял позади, не приближаясь.

— Я знаю.

— Нет, не знаешь. Ты не представляешь, что это было. Я ждала тебя. Каждый день. Сначала думала, что случилось что-то серьёзное. Потом — что ты заболел. Потом придумывала ещё какие-то объяснения, потому что признать правду было страшнее всего.

Она глубоко вдохнула.

— А потом я поняла, что ты просто не хочешь со мной разговаривать. И знаешь, что было самым ужасным?

Михаил молчал.

— Не то, что ты мог разлюбить меня. Люди разлюбляют друг друга. Так бывает. Самым ужасным было то, что ты не дал мне возможности узнать правду. Ты оставил меня одну разбираться с тем, что произошло.

Он закрыл глаза на секунду.

— Прости.

Елена резко обернулась.

— Не надо.

— Я должен был сказать это раньше.

— Пятнадцать лет назад?

— Да.

— Ты думаешь, одно слово что-то изменит?

— Нет.

— Тогда зачем?

Михаил посмотрел на неё.

— Потому что я виноват в том, что ты страдала. И я не хочу делать вид, будто этого не было.

Елена почувствовала, как к горлу подступает ком.

Она ненавидела извинения, которые ничего не исправляли. Но ещё больше ненавидела себя за то, что ждала именно этих слов.

Пятнадцать лет.

Пятнадцать лет она хотела услышать, что он понимает, что сделал ей больно.

Теперь он стоял перед ней и говорил это.

И ничего не становилось легче.

— Ты опоздал, Михаил.

— Знаю.

— Очень сильно опоздал.

— Знаю.

Она отвернулась.

— Давай закончим осмотр.

Он не стал возражать.

К полудню они проверили все комнаты.

Михаил составил список необходимых работ, измерил окна и сфотографировал повреждённые участки стен. Он объяснял, где можно сохранить старые материалы, а где придётся менять конструкции. Елена задавала вопросы, уточняла стоимость, спорила с отдельными решениями.

Постепенно разговор стал деловым.

Это было почти облегчением.

В работе Михаил оставался таким же, каким она его помнила: внимательным, терпеливым, способным заметить мелочь, которую другие пропускали. Он не предлагал дорогие решения ради собственного удобства и не обещал невозможного.

Когда они закончили осмотр второго этажа, Елена поймала себя на мысли, что могла бы доверить ему дом.

Но не себя.

Эти две вещи она разделяла теперь очень чётко.

В гостиной Михаил собрал бумаги и убрал рулетку.

— Я пришлю подробную смету завтра. Если тебя устроит, можем обсудить сроки.

— Хорошо.

— Есть ещё один вопрос.

Елена напряглась.

— Какой?

— Ты собираешься жить здесь постоянно?

Она удивлённо посмотрела на него.

— Пока не решила.

— Тогда стоит подумать об отоплении не только для гостевых комнат. Зимой здесь холодно. Если планируешь оставаться, нужно предусмотреть нормальную систему.

— Я разберусь.

— Я не сомневаюсь.

Он надел куртку.

Елена проводила его до прихожей.

Михаил взял сумку, проверил, не забыл ли документы, и остановился у двери.

— Елена.

Она подняла глаза.

— Я не прошу тебя меня прощать.

— Хорошо.

— И не собираюсь требовать, чтобы ты поверила мне на слово.

— Прекрасно.

— Но я хочу, чтобы ты знала: я не переставал пытаться тебя найти.

Елена почувствовала, как внутри всё сжалось.

— Зачем ты говоришь мне это сейчас?

Михаил долго смотрел на неё.

— Потому что вчера ты сказала, что я исчез. А это не совсем так.

— Для меня ты исчез.

— Понимаю.

— Нет, Михаил. Ты снова говоришь, что понимаешь, но не понимаешь. Для тебя, может быть, существовали причины, обстоятельства, какие-то важные решения. Для меня существовало только одно: человек, которого я любила, перестал быть рядом.

Он опустил голову.

Елена открыла дверь.

— До свидания.

Михаил вышел на крыльцо.

Уже с улицы он обернулся.

— Я пришлю смету.

— Жду.

Она закрыла дверь.

На этот раз не хлопнула.

Просто закрыла.

И всё равно ещё долго стояла в прихожей, слушая, как его шаги удаляются по гравию.

Вечером Елена сидела на кухне с ноутбуком и пыталась разобраться в таблице расходов.

Цифры не сходились.

Она пересчитала стоимость ремонта, добавила непредвиденные расходы, вычла деньги, которые могла получить после продажи своей московской квартиры, и поняла, что проект окажется гораздо дороже, чем она рассчитывала.

Если делать всё сразу, придётся вложить почти все накопления.

Если растянуть ремонт на два сезона, можно сохранить финансовую подушку, но открыть гостевой дом позже.

Она записала оба варианта и откинулась на спинку стула.

Когда-то Елена считала, что любовь и деньги — вещи, которые нельзя смешивать. Потом жизнь показала ей, что финансовая зависимость способна разрушить отношения не хуже измены.

В браке она долго закрывала глаза на то, что муж принимал решения за двоих. Он зарабатывал больше, и постепенно его мнение стало звучать громче. Сначала в вопросах квартиры. Потом работы. Потом друзей. Наконец — в вопросах самой Елены.

Он не был злым человеком.

Просто привык, что всё происходит так, как удобно ему.

Когда Елена ушла, она впервые за много лет почувствовала, что снова принадлежит себе.

И теперь не собиралась отдавать это право никому.

Даже Михаилу.

Она закрыла таблицу и потянулась за чашкой.

Под ней лежала сложенная записка, которую он оставил утром.

Елена не помнила, зачем положила её на стол, вместо того чтобы выбросить.

Она развернула бумагу и снова прочитала несколько строк.

«Если решишь продолжить работу — позвони».

Никаких обещаний.

Никаких попыток купить прощение.

Просто предложение.

Она подумала, что Михаил, возможно, действительно изменился.

Пятнадцать лет — большой срок. За это время люди женятся, разводятся, теряют родителей, меняют работу, переезжают в другие города. Переживают то, о чём не рассказывают даже близким.

Она ничего не знала о его жизни.

Не знала, был ли он женат. Есть ли у него дети. Почему он вернулся в Северогорск. Что произошло за те годы, когда она считала его предателем.

И самое неприятное заключалось в том, что ей хотелось узнать.

Елена скомкала записку, но не выбросила.

Вместо этого убрала её в ящик стола.

— Только работа, — напредила она себе.

Дом требовал ремонта.

У неё не было времени разбираться в чужих тайнах.

И тем более — возвращаться к собственным.

Поздно вечером, когда Елена уже собиралась ложиться спать, телефон завибрировал.

Незнакомый номер.

Она посмотрела на экран и почти сразу поняла, кто звонит.

Несколько секунд колебалась.

Потом ответила.

— Слушаю.

— Елена? Это Михаил.

— Я догадалась.

— Извини, что поздно.

— Что случилось?

— Я хотел уточнить один момент по дому. В документах указано, что задняя пристройка была перестроена в начале двухтысячных. Но по конструкции видно, что часть стены старше. Возможно, там сохранился первоначальный фундамент.

Елена нахмурилась.

— И что это значит?

— Пока ничего определённого. Завтра нужно будет проверить основание снаружи. Если фундамент старый, его лучше сохранить. Это повлияет на проект реконструкции.

— Хорошо. Посмотри завтра.

— Я могу приехать после обеда.

— Договорились.

Наступила пауза.

Елена ждала, что он попрощается.

Но Михаил молчал.

— Что-то ещё? — спросила она.

— Да.

Она прикрыла глаза.

— Михаил...

— Я не собираюсь говорить о прошлом. Просто хочу спросить одну вещь.

— Какую?

Он помолчал.

— Ты счастлива?

Елена замерла.

Вопрос оказался настолько неожиданным, что она не сразу нашла ответ.

Счастлива ли она?

В тридцать девять лет, после развода, с деньгами, вложенными в старый дом, с ремонтом, который грозил растянуться на годы, и мужчиной из прошлого, внезапно появившимся на пороге?

Она посмотрела на тёмное окно.

На своё отражение.

На усталое лицо женщины, которая слишком долго пыталась быть сильной.
— Я учусь, — ответила она наконец.
— Чему?
— Жить так, как хочу я.
Михаил долго молчал.
— Это хорошо, — произнёс он.
Елена почувствовала раздражение.
— Не надо оценивать мою жизнь.
— Я не оцениваю.
— Тогда зачем спросил?
Он выдохнул.
— Потому что всё это время надеялся, что ты счастлива.
Она крепче сжала телефон.
— Не нужно было надеяться. Нужно было быть рядом.
— Да.
Одно короткое слово.
Без оправданий.
Без попытки объяснить.
Елена неожиданно почувствовала, что больше не может продолжать разговор.
— До завтра, Михаил.
— До завтра.
Она отключилась.
Потом ещё долго сидела на кровати, держа телефон в руках.
Она не знала, почему он спросил именно об этом. Не знала, что он чувствовал, произнося эти слова. И не хотела строить догадки.
Но вопрос остался с ней.
«Ты счастлива?»
Пятнадцать лет назад она бы ответила не задумываясь.
Да. Потому что он рядом.
Теперь ответ был сложнее.
Елена выключила телефон и легла.
За окном шумело море.
Дом постепенно остывал, и старые стены потрескивали от перепада температуры.
Она закрыла глаза, стараясь не думать о Михаиле.
Но перед тем как уснуть, вдруг вспомнила одну деталь.
В тот день, когда он уезжал, он тоже спросил её, счастлива ли она.
Тогда она рассмеялась, обняла его за шею и сказала:
«Конечно. Я же с тобой».
Он поцеловал её в лоб.
А потом уехал.
И Елена так и не узнала, что он хотел сказать ей в тот вечер.
Возможно, завтра она наконец узнает.
А возможно, поймёт, что некоторые вопросы лучше оставить без ответа.
Пока же она знала только одно: мужчина, которого она пятнадцать лет пыталась забыть, снова оказался рядом.
И чем сильнее она убеждала себя, что ничего не чувствует, тем яснее понимала — прошлое ещё не сказало своего последнего слова.

Глава 4. То, что скрывает дом

К полудню дождь почти прекратился, но небо над Северогорском оставалось низким и тяжёлым. С моря тянуло сыростью, сосны за домом шумели под ветром, а по старым оконным стёклам время от времени скользили редкие капли.

Елена стояла посреди гостиной, держа в руках список необходимых покупок, и пыталась понять, с чего начать.

Список получался всё длиннее.

Нужны были строительные материалы, инструменты, новая проводка, краска для оконных рам. Следовало найти человека, который согласится привести в порядок отопление, и выяснить, почему в дальнем углу кухни половицы пружинят под ногами. А ещё — разобраться с фундаментом, который Михаил собирался осмотреть после обеда.

Имя само собой возникло в мыслях.

Елена раздражённо положила список на подоконник.

Пятнадцать лет назад она могла часами ждать его звонка. Теперь не собиралась ждать даже обещанного приезда.

Если он не появится, она справится сама.

Впрочем, если появится, это тоже ничего не будет значить.

Она повторила эту мысль про себя дважды, прежде чем услышала шум автомобиля за окном.

Елена подошла к стеклу.

Тёмная машина остановилась у калитки. Михаил вышел, поднял воротник куртки и посмотрел на дом. Не на окна, не на дверь — именно на дом, словно пытался представить, каким он был до того, как время и непогода оставили на нём свои следы.

В руках у него был небольшой чемодан с инструментами и сложенная рулетка.

Никаких кофе. Никаких попыток купить её расположение.

Уже что-то.

Елена надела куртку и вышла на крыльцо.

— Ты пунктуален, — сказала она вместо приветствия.

— Стараюсь не портить репутацию.

— Пока получается.

Он чуть заметно улыбнулся, но тут же стал серьёзным.

— Я посмотрел старые фотографии дома, которые прислал риелтор. Там есть одна странность. Хочу проверить, прежде чем делать выводы.

— Какая ещё странность?

— Сначала посмотрим фундамент.

— А потом ты торжественно объявишь, что мой дом вот-вот развалится и мне лучше продать его, пока не поздно?

— Если бы я хотел, чтобы ты продала дом, я бы сказал это сразу. И не стал бы тратить время на обследование.

Ответ прозвучал спокойно, без желания задеть. Елена невольно отметила, что Михаил не стал спорить ради самого спора.

Это было непривычно.

Раньше они могли препираться из-за пустяков по полчаса, а потом обнаруживали, что спорили вовсе не о том, с чего начали. Михаил всегда умел довести её до возмущения одним невозмутимым замечанием, а затем рассмешить так, что она забывала, на что сердится.

Елена отступила в сторону.

— Проходи. Только не думай, что это приглашение на чай.

— Я даже не успел подумать.

— Вот и продолжай в том же духе.

Он прошёл в дом, снял обувь у порога и поставил чемодан на пол.

Елена посмотрела на его ботинки.

— Можешь не разуваться. Пол всё равно придётся менять.

— Это не повод его дополнительно пачкать.

— Ты всегда был таким?

— Каким?

— Невыносимо правильным.

Михаил поднял на неё глаза.

— Нет. Когда-то я был гораздо глупее.

Она не нашлась, что ответить.

Он произнёс это без улыбки, и на мгновение между ними возникло что-то настоящее. Не воспоминание даже, а его тень. Та самая, от которой Елена последние дни пыталась отгородиться раздражением.

Она отвернулась первой.

— Фундамент с этой стороны?

— Да. Снаружи осмотрим, потом посмотрим подпол. Если там безопасно.

— В доме всё безопасно, пока ничего не падает на голову.

— Оптимистичный подход.

— Практичный.

Они вышли во двор.

Михаил обошёл дом, останавливаясь у нижних венцов, проверяя состояние древесины и отмечая что-то в блокноте. Елена шла следом, стараясь не смотреть на его руки.

Это оказалось сложнее, чем она ожидала.

Она помнила эти руки молодыми — с царапинами после ремонта старого мотоцикла, с пятнами краски, с тонким серебряным кольцом на большом пальце, которое он носил всё лето и потерял в августе на пляже. Тогда они искали его в песке почти час, а потом Михаил сказал, что кольцо всё равно было дешёвым, и поцеловал её так, будто нашёл нечто гораздо более ценное.

Сейчас на его руках не было ни кольца, ни следов краски. Только короткие царапины от работы и едва заметные следы старых мозолей.

— Здесь, — сказал он.

Елена заставила себя вернуться к настоящему.

Михаил присел возле угла дома, убрал рукой мокрые листья и осторожно провёл пальцами по шву между фундаментом и деревянной стеной.

— Видишь?

Она наклонилась рядом.

— Что именно?

— Вот этот участок. Камень отличается от остальной кладки. И раствор здесь другой.

— Это плохо?

— Не обязательно. Возможно, дом ремонтировали. Но посмотри на линию.

Он указал на едва заметный переход в кладке. Под слоем земли и мха действительно просматривался прямоугольный участок, отличавшийся цветом камня.

— Похоже на заложенный проём, — сказала Елена.

— Или на старый вход в подпол. Хотя расположение странное.

— Зачем кому-то делать вход здесь, если есть дверь с другой стороны?

— Вот это и хочу выяснить.

Михаил достал фонарик, осветил вдоль стены и аккуратно постучал рукояткой инструмента по камню. В одном месте звук оказался глухим, в другом — звонким.

Он повторил проверку.

— Пустота, — сказал он.

Елена почувствовала, как внутри шевельнулось любопытство.

— То есть под домом есть тайная комната?

— Или небольшой технический отсек. Или просто полость в кладке. Не спеши придумывать приключения.

— Я не придумываю приключения. Я пытаюсь выяснить, почему мне продали дом с сюрпризами.

— Дом старый. У него есть право на секреты.

— У меня тоже, между прочим.

Он посмотрел на неё.

— Я знаю.

В этих двух словах было слишком много смысла.

Елена выпрямилась.

— Давай без этого.

— Без чего?

— Без интонаций, будто ты знаешь обо мне больше, чем я сама.

Михаил медленно поднялся. На коленях его брюк остались тёмные следы от влажной земли.

— Хорошо. Буду говорить только о доме.

— Прекрасно.

— Тогда мне понадобится доступ в подпол.

Елена указала на небольшую дверь у заднего крыльца.

— Там. Только не обещаю, что ты сможешь развернуться.

— Я бывал в местах теснее.

— Не сомневаюсь. Ты ведь всегда умел находить себе приключения.

Он ничего не ответил.

И снова это молчание оказалось хуже любого возражения.

В подполе пахло влажной землёй, старой древесиной и чем-то смолистым. Михаил включил фонарь и первым спустился по узкой лестнице. Елена осталась наверху, освещая ему путь.

— Осторожно, — предупредил он. — Третья ступень шатается.

— Я заметила.

— Тогда не наступай на неё.

— Спасибо. Без тебя я бы не догадалась.

— Рад, что мои профессиональные навыки находят применение.

Елена закатила глаза, хотя он этого не видел.

Снизу донёсся короткий смешок.

Она замерла.

Он помнил. Даже сейчас помнил, как она закатывает глаза, когда старается скрыть улыбку.

Это было несправедливо. Память не должна была работать так избирательно. Она должна была напоминать ей о бессонных ночах, о бесконечных попытках дозвониться, о том, как унижительно было ждать человека, который, казалось, уже сделал свой выбор.

Вместо этого она вспоминала, как они однажды застряли в ливень на старой автобусной остановке, как Михаил отдал ей свою куртку и сам промок до нитки. Как они смеялись над тем, что он выглядел бездомным котом, а потом грелись в маленькой кухне его съёмной квартиры, обнявшись над чашками горячего чая.

Елена сжала фонарь крепче.

— Что там?

— Пока ничего. Несколько балок требуют замены. И вот это...

Он замолчал.

— Что?

— Посвети чуть левее.

Елена направила луч туда, куда он показал.

В глубине подвала, за одной из опорных балок, виднелась кирпичная перегородка. Она была частично скрыта старым стеллажом, на котором лежали пустые банки и коробки.

— Это тоже было здесь? — спросил Михаил.

— Не знаю. Я пока не успела изучить каждый сантиметр дома.

— Похоже, перегородка сделана позже основной кладки.

— И что за ней?

— Пока не скажу.

Он придвинул стеллаж, проверяя, не упирается ли тот в стену. Елена спустилась на несколько ступеней ниже, стараясь не задеть низкий потолок.

— Я могу помочь.

— Можешь подержать фонарь.

— Я уже держу.

— Тогда у тебя всё получается.

Она посмотрела на него с таким выражением, что Михаил наконец улыбнулся по-настоящему.

На секунду он снова стал тем человеком, которого она когда-то знала. Тем, кто мог рассмешить её одним взглядом, даже когда весь мир казался слишком серьёзным.

Елена первой отвела глаза.

Они вместе передвинули стеллаж. За ним обнаружилась небольшая дверца, почти незаметная под слоями старой краски. Дерево потемнело, железная ручка покрылась ржавчиной.

Елена провела пальцами по краю.

— Она заперта?

Михаил проверил ручку.

— Похоже, заклинило.

— Можно открыть?

— Можно попробовать. Но сначала я хочу понять, что с этой стеной. Если она несущая, ломать что-либо без обследования нельзя.

— То есть ты предлагаешь оставить тайную дверь закрытой?

— Я предлагаю не обрушить на нас половину дома из-за любопытства.

— Ты стал скучным.

— А ты по-прежнему хочешь сначала открыть дверь, а потом выяснять, что за ней.

Елена резко посмотрела на него.

— Ты ничего обо мне не знаешь.

Михаил замер. Улыбка исчезла.

— Да, — тихо сказал он. — Пожалуй, это правда.

Он произнёс это без обиды. И почему-то именно поэтому ей стало неловко.

Елена отвернулась к дверце.

— Когда сможем её открыть?

— После того, как я проверю конструкцию и пойму, как устроена перегородка. Возможно, завтра. Возможно, позже.

— Хорошо.

— Я сообщу.

Он убрал фонарь в сторону и ещё раз внимательно осмотрел кладку.

Елена стояла рядом, глядя на старую дверцу. Её раздражало, что собственный дом, который должен был стать символом нового начала, вдруг превратился в загадку. Но ещё сильнее

раздражало другое: рядом с Михаилом ей снова хотелось делиться открытиями, спорить, придумывать версии и ждать, что он скажет дальше.

Она ведь приехала сюда не для того, чтобы снова стать прежней Леной.

Она приехала научиться жить без оглядки на прошлое.

И пока что прошлое прекрасно справлялось с тем, чтобы напоминать о себе.

Когда они поднялись наверх, Михаил тщательно отряхнул брюки и вымыл руки в маленькой раковине у задней двери. Елена достала из шкафа полотенце.

— Держи.

— Спасибо.

Он вытер руки и повесил полотенце на крючок.

— Тебе нужно будет пригласить специалиста по старым конструкциям. Я могу дать контакт человека, который работает с историческими зданиями в Архангельске. Он приедет и оценит состояние фундамента.

— Это дорого?

— Не бесплатно.

— Я поняла, что не бесплатно.

— Но дешевле, чем устранять последствия неправильного ремонта.

Елена достала блокнот.

— Запиши номер.

Михаил назвал имя и телефон, затем добавил:

— И ещё я составлю смету на первоочередные работы. Крышу лучше не откладывать. Если пойдут затяжные дожди, вода доберётся до перекрытий.

— Я уже поняла, что крыша не в восторге от моей покупки.

— Она просто привыкла, что её пятнадцать лет никто не спрашивал, как она себя чувствует.

— Ты сейчас говоришь о крыше или о себе?

Вопрос вырвался прежде, чем Елена успела его остановить.

Михаил посмотрел на неё.

Несколько секунд он молчал, и она уже приготовилась услышать что-нибудь язвительное или уклончивое.

— О крыше, — наконец ответил он. — У неё, в отличие от меня, нет привычки делать вид, что всё в порядке.

Елена почувствовала, как её собственная реплика возвращается к ней острым концом.

— Я не делаю вид.

— Конечно.

— Не надо так говорить.

— Как?

— Будто ты всё понимаешь.

Михаил медленно кивнул.

— Хорошо. Не буду.

Он взял чемодан с инструментами и направился к выходу. Елена пошла следом.

У двери он остановился.

— Лена...

— Елена.

Он принял поправку без возражений.

— Елена. Я хотел сказать, что сегодня вечером попробую найти старые планы дома. Иногда в районных архивах остаются документы на перестройки. Если повезёт, мы поймём, что находится за этой дверью.

— Хорошо. Пришли мне, если что-нибудь найдёшь.

— Пришлю.

Он открыл дверь, но не вышел сразу.

— Ты неплохо справляешься, — сказал он.

Елена нахмурилась.

— С чем?

— С домом. Большинство людей на твоём месте уже позвонили бы риелтору и потребовали вернуть деньги.

— Я не большинство людей.

— Я помню.

Снова это слово.

Она скрестила руки на груди.

— Не надо хвалить меня за то, что я сама выбрала. Я знала, что дом старый. Знала, что придётся вкладывать деньги. И я не собираюсь отступать только потому, что обнаружились ещё одна проблема.

— Я и не предлагаю отступать.

— Хорошо.

— Я просто говорю, что у тебя получится.

На этот раз Елена не нашла ответа сразу.

Пятнадцать лет назад он тоже говорил ей, что у неё всё получится. Когда она боялась собеседования, когда сомневалась, стоит ли поступать на дополнительные курсы, когда впервые решилась показать кому-то свои эскизы интерьеров. Он верил в неё с такой уверенностью, что ей самой становилось легче верить в себя.

Потом он исчез.

И всё, что прежде поддерживало, превратилось в болезненное напоминание о собственной наивности.

— Тебе пора, Михаил.

Он кивнул.

— До завтра.

— Я не обещала, что завтра буду дома.

— Я позвоню заранее.

— Посмотрим.

Он вышел на крыльцо. Елена закрыла за ним дверь и осталась стоять в прихожей, прислушиваясь к удаляющемуся звуку двигателя.

Только когда машина скрылась за поворотом, она позволила себе выдохнуть.

На кухне осталась его забытая рулетка.

Елена заметила её не сразу. Инструмент лежал на краю стола рядом с её списком покупок. Она взяла рулетку в руки, собираясь убрать в ящик, и вдруг поймала себя на том, что улыбается.

Улыбка исчезла мгновенно.

— Прекрати, — сказала она вслух.

Дом ответил скрипом старых половиц.

После обеда Елена отправилась в город за краской и крепежом. В магазине хозяйственных товаров она провела почти час, сравнивая цены и записывая, что ещё понадобится. Продавец, пожилой мужчина в вязаном жилете, выслушал её список и присвистнул.

— Много работы у вас.

— Зато будет чем заняться.

— Дом Веры Павловны?

— Да.

Мужчина покачал головой.

— Хороший был дом. Она умела принимать людей. Не так, как теперь: номер, ключ, завтрак по расписанию. У неё каждый гость чувствовал себя родственником.

— Вы её хорошо знали?

— Да кто её здесь не знал? Она половину жизни посвятила этой гостинице. А потом здоровье стало подводить. Последние годы всё больше одна была.

Елена задумалась.

— Вы не знаете, почему она так и не продала дом раньше?

— Не хотела. Говорила, что дом должен кому-то достаться, кто его полюбит. — Мужчина посмотрел на неё внимательнее. — Наверное, в вас что-то такое увидела.

Елена не знала, что ответить.

Она купила крепёж, краску для оконных рам и несколько кистей, хотя кистей у неё уже было достаточно. Просто разговор оставил после себя странное чувство, будто дом выбрал её не совсем случайно.

По дороге обратно она заглянула в пекарню к Надежде. Там было тепло, пахло свежим хлебом и корицей, а запотевшие окна делали улицу за стеклом похожей на акварель.

— А я как раз собиралась тебе позвонить, — сказала Надежда, увидев Елену. — Ты сегодня уже ела?

— Если кофе считается едой, то да.

— Не считается. Садись.

Она поставила перед Еленой тарелку с пирогом и чашку чая. Елена хотела отказаться, но поняла, что действительно проголодалась.

— Как дом? — спросила Надежда.

— С характером.

— Значит, тебе подходит.

— Почему все считают, что знают, какой дом мне подходит?

Надежда улыбнулась.

— Потому что ты смотришь на него так, будто он уже твой.

— Он и так мой.

— По документам — да. А я не про документы.

Елена отломил кусочек пирога.

— Сегодня мы нашли странную дверцу в подполе. За перегородкой. Михаил говорит, что сначала нужно проверить конструкцию.

Надежда перестала улыбаться.

Совсем ненадолго, но Елена заметила.

— Что? — спросила она.

— Ничего. Просто я давно там не была.

— Вы знали про эту дверь?

Надежда посмотрела на чашку в своих руках.

— Кажется, видела что-то похожее много лет назад. Но я не уверена. Вера Павловна не любила, когда чужие лезли в хозяйственные помещения.

— А что могло там быть?

— Не знаю, милая. Старые вещи. Запасы. В таком доме чего только не найдёшь.

Она произнесла это слишком быстро.

Елена отложила вилку.

— Надежда, если вы что-то знаете, лучше скажите сейчас. Я всё равно буду разбираться.

— Я не скрываю от тебя никаких тайн.

— Я не говорила о тайнах.

Надежда вздохнула.

— Вера Павловна была человеком закрытым. У каждого есть вещи, о которых он не хочет рассказывать. Может, там ничего важного. А может, она просто не хотела, чтобы кто-то трогал её старые бумаги.

— Бумаги?

— Я сказала: может быть. Не придумывай лишнего.

Но теперь Елена уже не могла перестать думать о том, что за дверцей могли храниться не просто старые вещи.

— Вы когда-нибудь видели Михаила у Веры Павловны? — спросила она.

Надежда удивлённо подняла глаза.

— Михаила? Конечно. Он приезжал сюда и раньше.

— Когда?

— Давно. Ещё до того, как уехал в Петербург. А потом... — Она замолчала.

— Потом что?

— Потом тоже приезжал.

Елена почувствовала, как внутри всё напряглось.

— Вы хотите сказать, что он возвращался в Северогорск?

— Я не знаю, сколько раз. Видела его однажды у дома Веры Павловны. Он спрашивал, как она себя чувствует. Это было много лет назад.

— Почему вы мне раньше не сказали?

Надежда посмотрела на неё с искренним недоумением.

— А ты спрашивала?

Елена не нашлась, что ответить.

Нет. Она никогда не спрашивала. Все эти годы она была уверена, что Михаил просто вычеркнул её из своей жизни. Не приезжал, не искал встречи, не пытался ничего объяснить. Ей казалось, что она знала всё, что нужно знать о его поступке.

Но если он возвращался...

— Вы помните, когда это было?

— Точно нет. Давно. Может, через год после его отъезда. Может, позже. Он был один, выглядел усталым. Я спросила, почему не заходит к тебе, а он ответил, что не уверен, что ты захочешь его видеть.

Елена словно перестала слышать шум пекарни.

— И вы ничего не сказали мне?

— Лена, я не знала, что между вами произошло. Ты тогда уехала в город, мы редко виделись. Я решила, что вы расстались и каждый пошёл своей дорогой. Не моё это было дело.

Елена смотрела на Надежду, пытаясь найти в её лице хоть что-то, что подсказало бы: это ошибка, случайная путаница, чужая память.

Но Надежда не выглядела человеком, который придумывает истории.

— Он спрашивал обо мне?

— Спрашивал, как ты. Я сказала, что ты работаешь, что у тебя всё хорошо. Он поблагодарил и ушёл.

— И всё?

— Всё, милая.

Елена медленно отодвинула тарелку.

— Спасибо за чай.

— Ты же почти не поела.

— Я не голодна.

Надежда не стала её удерживать.

На улице ветер оказался сильнее, чем утром. Елена шла к дому, не замечая ни сырости, ни холодных порывов, которые пробирались под воротник.

Михаил приезжал.

Возможно, не один раз.

Он спрашивал о ней.

И всё это время она жила с уверенностью, что он забыл её так легко, будто их общая жизнь была случайным летним приключением.

Елена остановилась у ограды, сжимая пакет с покупками.

Она не собиралась делать выводы на основании чужих слов. Не собиралась бросаться к Михаилу с вопросами и тем более позволять ему увидеть, что эта новость что-то изменила.

Но теперь у неё появился ещё один вопрос.

Если он действительно приезжал, почему так и не попытался встретиться с ней?

Вечером Елена сидела на кухне, раскрыв ноутбук. За окном темнело, ветер шевелил ветви сосен, и море где-то за домами шумело глухо и ровно.

Она открыла старую папку с документами на дом, которую получила от риелтора. Договор купли-продажи, технический паспорт, выписки, несколько справок. Ничего необычного.

В самом низу лежал конверт с копиями старых бумаг, которые прежняя хозяйка оставила в комод. Елена собиралась разобрать их позже, но теперь достала всё на стол.

Среди квитанций и пожелтевших листков обнаружилась старая фотография дома. На снимке он выглядел почти таким же, как сейчас, только окна были целыми, а у крыльца стояла деревянная скамейка. На обороте рукой Веры Павловны было написано: «Дом, 1998 год. До ремонта».

Елена внимательно рассмотрела фотографию. В углу снимка виднелась часть боковой стены, которую сейчас закрывала пристройка. И там, чуть ниже окна, угадывался прямоугольный контур — возможно, дверь или небольшое окно.

Она положила фотографию рядом с блокнотом.

Завтра покажет её Михаилу.

Нет. Не обязательно завтра. Можно отправить снимок специалисту, которого он рекомендовал. Можно самой поискать старые планы в архиве.

Она не обязана обращаться к нему по каждому поводу.

Но ей хотелось услышать, что он скажет.

Эта мысль разозлила её сильнее всего.

Елена закрыла ноутбук и подошла к окну. В отражении стекла она увидела своё лицо — усталое, напряжённое, уже не такое молодое, каким оно было на той фотографии с Михаилом. Но не чужое. И не несчастное.

Она действительно изменилась за эти пятнадцать лет.

Научилась зарабатывать, принимать решения, уходить от людей, рядом с которыми становилось тесно. Научилась не ждать звонков и не строить жизнь вокруг чужих обещаний.

Она больше не была той девушкой, которая сидела у окна и смотрела на телефон.

И всё же, когда мобильный завибрировал на столе, сердце на мгновение отозвалось так, словно ничего не произошло.

Сообщение было от Михаила.

«Нашёл кое-что по дому. Завтра покажу. Это может объяснить устройство старой перегородки. Если удобно, буду около десяти».

Елена прочитала сообщение дважды.

Ни слова о прошлом. Ни попытки заговорить о том, что сказала Надежда. Только дом, перегородка и работа.

Она набрала: «Хорошо».

Потом стёрла и написала: «В десять я буду дома».

Отправила.

Ответ пришёл почти сразу:

«Тогда до завтра. И не трогай дверцу сама, пожалуйста. Я серьёзно».

Елена фыркнула.

«Не командуй мной».

Несколько секунд она смотрела на экран, ожидая ответа. Потом телефон снова завибрировал.

«Не командую. Переживаю за целостность дома».

Елена почувствовала, как уголки губ предательски приподнимаются.

«За дом переживай. Со мной всё в порядке».

На этот раз Михаил не ответил.

Она положила телефон экраном вниз и вернулась к бумагам.

За окном дождь снова усилился. Ветер тронул старые рамы, и дом тихо заскрипел, словно прислушивался к разговору, которого не должен был слышать.

Елена взяла фотографию и ещё раз посмотрела на контур у боковой стены.

Завтра они узнают, что скрывается за старой перегородкой.

Возможно, ничего особенного.

Но теперь ей казалось, что дом хранит не только свои секреты.

Возможно, он хранил и часть её собственной истории — ту, которую она пятнадцать лет считала законченной.

И если Михаил действительно возвращался в Северогорск, если искал её и спрашивал о ней, значит, в их прошлом оставалось что-то, чего она так и не поняла.

Елена убрала фотографию в конверт и выключила свет.

Она не собиралась прощать Михаила.

Пока нет.

Но впервые за долгие годы она позволила себе подумать, что, возможно, всё было не так просто, как она привыкла считать.

Глава 5. Чужие письма

Утро началось с телефонного звонка матери.

Елена как раз пыталась открыть заевшее окно в спальне, когда мобильный завибрировал на подоконнике. Она посмотрела на экран и вздохнула. Тамара Сергеевна звонила уже третий день подряд, причём каждый разговор начинался с вопроса о здоровье и неизменно заканчивался попыткой выяснить, не совершила ли дочь очередную ошибку.

— Доброе утро, мам.

— Ты уже проснулась?

Елена посмотрела на часы.

— Нет. Это дом отвечает за меня.

— Не язви. Я просто хотела узнать, как ты.

— Прекрасно. Дом стоит, я стою, крыша пока тоже.

— Вот именно крыша меня и беспокоит. Ты говорила, что она протекает.

— Мам, я не говорила, что она протекает над моей кроватью.

— Лена, неужели нельзя было купить что-нибудь поновее? Квартиру, например. В нормальном городе. С отоплением, лифтом и соседями, которые хотя бы знают, как тебя зовут.

Елена улыбнулась, глядя на старую оконную раму.

— Можно было. Но тогда мне пришлось бы жить в квартире, которую я не хочу.

— Ты всегда была упрямой.

— Это семейное.

На другом конце провода воцарилась тишина. Елена знала эту паузу: мать собиралась с мыслями перед очередным серьёзным разговором.

— Ты ведь не одна там, правда? — наконец спросила Тамара Сергеевна.

— В каком смысле?

— В самом обычном. Ты говорила, что наняла архитектора. Он приезжает, помогает. Может, тебе не стоит так категорично отказываться от общения? Всё-таки после развода...

— Мам, пожалуйста, не надо.

— Я только хочу, чтобы ты была счастлива.

— Я тоже этого хочу. Именно поэтому и уехала.

— Счастье не строится на одном упрямстве.

— А на чём оно строится?

Мать не ответила сразу.

— На людях, Леночка. На близких людях. Нельзя же всю жизнь рассчитывать только на себя.

Елена закрыла глаза.

Вот она, фраза, которую она слышала с детства. Будто самостоятельность была не достоинством, а болезнью, от которой рано или поздно следовало излечиться.

— Я не собираюсь всю жизнь быть одна, — сказала она мягче. — Но я больше не хочу оставаться с кем-то только потому, что боюсь одиночества.

— Я не это имела в виду.

— Знаю.

— А этот архитектор... Как его зовут?

Елена помолчала.

— Михаил Ветров.

— Ветров? — переспросила мать. — Тот самый Михаил?

Вопрос прозвучал слишком быстро.

Елена медленно опустила руку с телефоном.

— Ты его помнишь?

— Конечно, помню. Вы ведь тогда собирались пожениться.

— Да, мам. Собирались.

— Я думала, ты давно забыла.

— Я тоже так думала.

На другом конце провода снова стало тихо.

Елена ждала, что мать спросит, почему Михаил вернулся, зачем они снова встретились и неужели она действительно собирается работать с человеком, который когда-то причинил ей столько боли.

Но Тамара Сергеевна сказала совсем другое:

— Только не позволяй ему снова сделать тебе больно.

Елена почувствовала, как неприятно сжалось сердце.

— Мам, мне тридцать девять лет. Я умею защищать себя.

— Знаю. Но даже взрослые люди иногда ошибаются.

— А иногда им просто не дают права на собственное решение.

— Лена...

— Мне пора. Михаил должен приехать.

Она отключилась раньше, чем мать успела продолжить.

Несколько секунд Елена смотрела на погасший экран.

Мать знала Михаила. Знала, что они собирались пожениться. Но почему в её голосе прозвучало не удивление, а тревога? Словно возвращение Михаила было не просто неприятной случайностью, а чем-то, чего Тамара Сергеевна опасалась уже давно.

Елена нахмурилась.

Нет. Не нужно искать тайный смысл в каждом слове.

У матери всегда было своё представление о правильной жизни. И если бы Елена послушала её пятнадцать лет назад, возможно, она вообще не решилась бы на отношения с Михаилом.

А если бы послушала сейчас, то уже паковала бы вещи и искала квартиру в Петербурге.

Она убрала телефон в карман и вернулась к окну.

Оно наконец поддалось. Рама со скрипом открылась, впуская в комнату свежий воздух, пахнувший морем и мокрой хвоей.

Елена вдохнула поглубже.

Сегодня ей предстояло узнать, что скрывается за старой дверцей в подполе. И, возможно, понять, почему Михаил так настойчиво возвращался к дому, который она считала совершенно чужим для него.

Хотя бы с этим следовало разобраться без материнских советов.

Михаил приехал ровно в десять.

Елена увидела его из окна и успела заметить, что сегодня он не сразу вышел из машины. Сначала сидел неподвижно, глядя на дом, а потом потянулся к пассажирскому сиденью и достал большую папку.

Когда он поднялся на крыльцо, Елена уже открыла дверь.

— У тебя есть привычка появляться точно по часам, — сказала она.

— Профессиональная деформация.

— А опаздывать?

— Тоже бывает. Но обычно по уважительным причинам.

— Например?

— Когда заказчик решает самостоятельно снести стену, которую я просил не трогать.

— Я ничего не сносила.

— Поэтому я и приехал вовремя.

Он протянул ей папку.

— Что там?

— Копии старых планов, несколько архивных записей и фотография, которую мне удалось найти в электронном каталоге. Не всё относится непосредственно к дому, но есть кое-что интересное.

Елена отступила, пропуская его внутрь.

— Ты всю ночь работал?

— Нет. У меня есть удивительная способность спать.

— Не похоже.

— А у тебя есть удивительная способность задавать вопросы, на которые не хочешь слышать ответы.

Она подняла на него глаза.

Михаил сразу посерьёзnel.

— Прости. Это было лишнее.

— Да.

— Больше не буду.

Он снял куртку и повесил её на крючок. Потом прошёл на кухню, где Елена уже освободила половину стола для бумаг.

Она заметила, что он не стал спрашивать разрешения, но и не повёл себя так, словно имел право распоряжаться её домом. Просто положил папку на стол и дождался, когда она сядет напротив.

Это была мелочь.

Но после развода Елена особенно остро замечала подобные мелочи. Когда человек не пытается занять больше места, чем ему отведено, рядом с ним становится легче дышать.

Именно поэтому Михаил всегда был для неё опасен.

Он умел создавать ощущение, что рядом с ним можно быть собой.

Даже когда она давно решила, что больше не позволит ему к себе приблизиться.

— Итак, — сказала Елена, открывая папку. — Удиви меня.

Михаил разложил перед ней несколько листов.

Первый был копией технического плана здания, датированного концом семидесятых годов. Второй представлял собой схему пристройки, сделанной значительно позже. Третий — старую фотографию боковой стены, почти такую же, как та, которую Елена нашла вечером.

— Посмотри сюда, — сказал он, указав на прямоугольник возле фундамента. — В первоначальном плане на этом месте обозначен отдельный вход в нижнее помещение. Позже его заложили, а внутреннюю перегородку, судя по всему, оставили.

— Значит, за дверцей действительно какое-то помещение?

— Скорее всего, небольшой отсек под частью дома. Но пока неясно, насколько он сохранился и зачем его отделили.

Елена наклонилась над чертежом.

— А это что?

Она указала на короткую пометку возле стены. Чернила почти выцвели, а почерк был настолько мелким, что разобрать слова без увеличения оказалось трудно.

Михаил придвинул лист к окну.

— Похоже на запись о переносе коммуникаций. Но я не уверен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.